

18+

Галина Силантьева

**Эротические
рассказы.
Радости
страсти**

Галина Силантьева
Эротические рассказы.
Радости страсти

<https://litres.ru/74465578>

ISBN 9785007123617

Аннотация

Откровенность на грани. Радость до слёз. Пронзительная тишина после слов «прощай». В этом сборнике настоящие эмоции, калейдоскоп человеческих чувств, объединённых единственным желанием, которое делает героев живыми. Желанием любить и слышать отклик в сердце другого.

Эротические рассказы. Радости страсти

Галина Силантьева

© Галина Силантьева, 2026

ISBN 978-5-0071-2361-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Билет в первый ряд

Я не знаю, когда это началось. Наверное, в тот вторник. Или нет, во вторник я просто впервые услышал о ней. Я работал инженером на заводе, чинил станки. По пятницам тягал железо в спортзале, по субботам парился в бане, а по воскресеньям ездил к матери на дачу полоть грядки. Моя жизнь напоминала заевшую пластинку.

А потом в нашем Драмтеатре имени кого-то там поставили «Ромео и Джульетту». Городок у нас маленький, все ходили смотреть из любопытства: что за гастролёршу выписали на роль Джульетты? Своих-то приличных актрис уже давно разобрали замуж.

Новенькая вышла на сцену, и зал перестал шуметь. Не потому, что она громко говорила или делала что-то особенное.

Наоборот. Она двигалась так тихо, словно плыла над досками сцены. У неё были огромные серые глаза, которые казались ещё больше от грима, и руки... тонкие, почти прозрачные кисти рук. Когда она произносила свои первые слова, я физически ощутил приятный холод. Мне стало зябко в душном зале. Я сидел в первом ряду, и видел густые ресницы на её веках — они трепетали, словно крылья мотылька.

Следующие десять вечеров я провёл в театре. Мужики на заводе крутили пальцем у виска.

— Иваныч, ты чего, сбрендил? Опять туда попрёшься?

— Попрусь, — отвечал я и молчал о том, что чувствовал себя по-настоящему счастливым только там, в темноте зала, пока моя любимая актриса умирала в объятиях сахарно-смазливового Ромео, при одном взгляде на которого у меня сводило скулы от ревности.

Я не просто влюбился. Это было похоже на помешательство. Я выучил текст пьесы наизусть. Я знал, в какой момент она поправит выбившийся локон, в какой — чуть задержит дыхание перед поцелуем. Я жил её жизнью.

После спектакля я часами стоял под окнами её гримёрки, прячась в тени старых лип. Иногда забирался высоко на дерево. Пару раз видел её полуобнажённой, когда она стягивала через голову сценическое платье и натягивала повседневное. А затем куталась в простое драповое пальто. В эти моменты она была совсем другая. Земная.

Без грима лицо её казалось совсем юным, почти куколь-

ным, и от этого безумие моё становилось только острее. Воспоминания о том, как она переодевается, не давали покоя по ночам. Влечение к этой соблазнительной актрисе час за часом распаляло моё воображение.

Однажды вечером был сильный дождь. Настоящий осенний ливень, пробирающий до костей. Я стоял, как дурак, промокший насквозь, и терпеливо ждал. Театр опустел. Вышел сторож, звякнул ключами. И тут появилась она. Увидела меня, мокрого, жалкого, стоящего под потоками воды прямо посреди тротуара.

— Мужчина, вам плохо? — крикнула она сквозь пелену дождя, подбегая и раскрывая над нами огромный красный зонт.

От звука её голоса, близкого, настоящего, без театральных интонаций, у меня подкосились ноги.

— Нет, — прохрипел я, словно в лихорадке. — Мне хорошо.

Она смотрела на меня секунду, две. В свете фонаря капли дождя на её прекрасном лице блестели, как слёзы. Она видела мой прилипший к ней взгляд. Словно я смотрел не на живую женщину, а на редкую бабочку, случайно севшую мне на руку: одно неверное движение — и она улетит навсегда. Женщины всегда видят такие вещи. Они понимают, когда их обожают до безумия.

— Пойдёмте ко мне, — вдруг сказала она очень просто. — Простудитесь же.

Её съёмная квартира была под самой крышей старого дома, похожая на голубятню. Низкий потолок, скошенные стены, запах сухих цветов и чего-то сладкого, химического — то ли лака для ногтей, то ли для волос. Мы стояли в прихожей, с нас капало на старый паркет. Она включила тусклую лампочку под абажуром из ткани.

— Раздевайтесь, — сказала она. — Я дам вам полотенце.

Я снял куртку. Руки тряслись. Она принесла большое махровое полотенце и начала вытирать мои волосы. Её пальцы касались моего лба, висков, шеи.

Я закрыл глаза, пытаясь удержать это мгновение, растянуть его в вечность. Хотелось бесконечно долго ощущать её прохладные пальцы на своей разгорячённой коже.

— Зачем вы ходите? — ласковым шёпотом спросила она. — Каждый день. Я вижу вас. У вас такое напряжённое лицо...

Я открыл глаза. Она стояла так близко, что я перестал различать контуры предметов вокруг. Тепло, исходящее от её тела сквозь тонкую ткань кофточки, дурманило до оупения. Желание сорвать с неё эту нелепую жёлтую кофточку, увидеть кожу под ней становилось почти физическим страданием, мучительно жгучим спазмом внизу живота.

— Вы мне нравитесь, — произнёс я робко. — То есть... я люблю вас...

Она рассмеялась тихо, без тени насмешки.

Не отстранилась. Смотрела снизу вверх своими огромны-

ми русалочьими глазами, тёмными, как омуты, и в них не было страха. Было лишь жадное любопытство. И что-то пронзительное, отвечающее моему собственному безумию.

— А если... и вы мне нравитесь? — выдохнула она, и её губы оказались в опасной близости от моих.

Я не верил своим ушам. Не понимал, шутит она или говорит серьёзно. Ведь она актриса до кончиков пальцев. Запросто может подобные фразы по пятьдесят раз на дню на сцене повторять.

Тем не менее её слова придали мне смелости. Дальнейшее я помню вспышками.

Вот мои руки впиваются в её худенькие плечи, притягивая к себе. Вот её ответные объятия. Я поцеловал её. Жадно. Я ощущал вкус её помады, терпкий, вишнёвый. Она вскрикнула прямо мне в рот, но не оттолкнула. Наоборот, тонкие пальцы с силой вонзились мне в спину, притягивая ещё ближе, ногти процарапали дорожку через плотную ткань рубашки.

Мы рухнули на узкую кушетку, заваленную книгами. Старый том Достоевского полетел на пол. Лампа качнулась, отбрасывая на стену наши сплетённые тени.

Все это было похоже на пожар, который мы разжигали собственным дыханием. От её ладоней, скользящих по моей груди, шее, животу, расходились волны пламенной страсти. Деревянный пол скрипел в такт нашим судорожным движениям. За окном выл ветер, швыряя пригоршни ледяного до-

жды в стекло, и этот звук сливался с нашим прерывистым дыханием, с её короткими стонами, больше похожими на всхлипы раненой птицы, с моим хриплым голосом, повторяющим как заклинание имя Лиза. Её звали Лиза.

Я коснулся языком влажной, солоноватой ложбинки у ключицы, а затем начал целовать её так исступлённо, словно умирающий от жажды. Мои ладони трепетно заскользили по изгибу её спины, спустились к бархатистой плоскости живота, который беспрерывно подрагивал от моих прикосновений. Она была такая же изголодавшаяся, как и я.

Пальцы путались в застёжках, срывали мешающую преграду ткани. В следующую секунду я замер на одно бесконечное мгновение, не смея поверить, что мои руки наконец коснулись той самой нежнейшей плоти, что являлась мне лишь в горячечных, запретных снах.

Минуту спустя я уже задыхался, утопая в ней. Каждое движение выжигало последние остатки стыда. Скрип кушетки сливался с прерывистыми стонами, стремительно подводя меня к самому краю...

Меня сводил с ума аромат её волос, в которые я зарылся лицом, чтобы заглушить собственный рвущийся изо всех сил наружу неистовый рык. Под конец я ощущал себя диким зверем, дорвавшимся до добычи, которую выслеживал неделями.

Когда её тело выгнулось дугой, принимая меня целиком, время исчезло. Исчезло всё: звуки улицы, шум дождя, моё

скучное, блёклое прошлое. Остался только оглушительный ритм двух наших сердец, и тихий, молящий крик Лизы: «Ещё!» А потом мир затмила ослепительная белая вспышка, в которой мы оба превратились в единое пульсирующее, содрогающееся нечто.

В ту ночь мы не говорили о любви. Любовь — это про завтра, про планы, про осторожность. У нас ничего этого на уме не было. Была только маленькая съёмная комната, пропахшая нашей страстью, и жажда обладать друг другом без передышки, прямо сейчас, немедленно, чтобы время снова и снова исчезало.

Под утро гроза стихла. В комнате было прохладно. Я сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Лиза спала на кушетке, свернувшись калачиком, натянув на плечо угол шерстяного пледа. Во сне она выглядела абсолютно беззащитной.

Я смотрел на неё, на эту женщину, разукрасившую мои тусклые будни, и понимал одну простую вещь. Заводские мужики были правы. Я точно сбрендил, когда размечтался, что моей женой станет актриса. Но пути назад уже не было. Да я его и не искал. С первым лучом солнца, который пробился сквозь тучи и лёг золотой полосой на босую ступню Лизы, моя прежняя жизнь закончилась. Началось что-то другое. Что-то огромное, горячее и совершенно точно и неуклонно ведущее к алтарю.

Так и случилось.

Через год Лиза подарила мне дочку, а ещё через полтора года — сына. Мечты стали реальностью.

Сегодня, пять лет спустя, воскресенье. Никакого завода, никакого грима и софитов. Мы сидим на старых дачных качелях. Дочка Соня пытается накормить брата ягодами прямо с куста, заливаясь смехом, а он, перемазанный малиной по самые уши, счастливо мычит в ответ. Лиза кладёт голову мне на плечо, и её волосы пахнут не сценическим лаком, а летним дождём и яблоками.

Я смотрю на свои руки — всё те же рабочие руки, разве что теперь они чаще держат детские ладошки, чем гаечный ключ. Я стал начальником цеха. Лиза безмерно гордится мной. Но самое дорогое повышение я получил тем утром, когда солнечный луч коснулся её изящной ножки.

Попутчик

Я ненавижу поездки в поезде. Меня раздражает стук колёс, который сначала убаюкивает, а потом начинает долбить по вискам, как клюв обезумевшего дятла, пытающегося пробиться к мозгу. Тук-тук. Тук-тук. Монотонный, гипнотизирующий ритм, под который из головы медленно вытекают все мысли.

Во время рабочей поездки из Москвы в Питер мне досталось верхнее место в купе на четверых. Внизу напротив уже спал какой-то дедушка, мирно похрапывая во сне. Я долго

лежала, плясая в темноту за окном, где проносились редкие огоньки деревень. Сон не шёл. Было прохладно, я открыла дверь в коридор, постояла там, слушая, как гудит состав, но холод из тамбура только прогнал остатки тепла. Пришлось вернуться.

Я забралась под тонкое колючее одеяло, свернулась калачиком и закрыла глаза, пытаюсь убедить себя, что завтра утром буду уже в Питере, увижу давнюю подругу, выпью кофе с видом на Неву, и эта поездка забудется как страшный сон.

Проснулась я от того, что стало тяжело дышать. Не то чтобы совсем невозможно, просто ощущала вес. Чужой вес рядом. И тепло.

Я приоткрыла глаза. Темнота купе была густой, прорезаемой лишь тусклыми огоньками за окном. Сердце подпрыгнуло. На моей полке кто-то был.

Первая мысль — вор. Вторая — маньяк. Третья оказалась самой правильной: это тот парень сверху.

Он ехал на верхней полке напротив меня. Когда мы селись вечером, я едва его разглядела — высокий, широкоплечий, в наушниках, он молча кивнул мне и тут же залез наверх. За всю дорогу мы не сказали друг другу ни слова.

И вот сейчас этот парень лежал вплотную ко мне. Он явно перелез ночью, пока я ворочалась. Сделал это удивительно ловко для своего роста, полка даже не скрипнула. Одной рукой он обнимал меня за талию, прижимая спиной к сво-

ей широкой груди. А второй... второй он натянул большое шерстяное одеяло нам на головы, создавая внутри маленький тёмный купол. Стало жарко и пахло теперь не поездом, а им — чистым мужским телом, немного табаком и чем-то цитрусовым, наверное, мылом.

— Ты что творишь? — прошипела я, пытаюсь вывернуть-ся. Но хватка у него была стальной. Не грубой, нет. Уверенной.

Вместо ответа он уткнулся носом в изгиб моей напряжённой шеи. Поцелуй был коротким, почти невесомым, но от него всё тело покрылось мурашками.

— Тише, — выдохнул он мне в кожу. Голос низкий, со сна чуть хриплый. — Ты так сладко сопишь. Пол ночи смотрел на тебя. Думал, сойду с ума.

Мозг кричал: «Настя, беги! Это ненормально! Зови проводника!» Но тело предательски расслабилось. Мне вдруг стало невероятно уютно в этих мужских руках. Дома пустая кровать казалась ледяной пустыней, а здесь, в трясущемся вагоне, в объятиях совершенно незнакомого мужчины, я впервые за год почувствовала себя желанной.

Его ладонь переместилась с талии выше, легла на мою грудь поверх тонкой хлопковой футболки. Он не сжимал её нагло, просто накрыл. Большой палец лениво погладил сосок, и ткань мгновенно стала тесной. Я выгнулась сама того не желая, затылком упираясь ему в плечо.

— Пусти, — голос прозвучал жалко, неуверенно.

— Не могу, — ответил он и провёл губами дорожку от уха к плечу. — Хочу узнать, какая ты на вкус.

Это слово — «вкус» — сработало как спусковой крючок. Вся моя броня, вся усталость от самостоятельности рухнули. Я резко перевернулась на другой бок, лицом к нему. В темноте я видела только силуэт, блеск зубов, когда он улыбался, и очертания скул.

Наши губы столкнулись. Сначала жёстко, неловко, зубами. А потом...

Потом начался пожар.

Он целовал меня так, будто хотел выпить до дна. Глубоко, влажно, исследуя языком каждый уголок моего рта. Рука снова вернулась на грудь, но теперь уже под футболку. Горячие пальцы коснулись обнажённой кожи, сжали сосок, заставив меня тихо вскрикнуть прямо ему в рот. Он заглушил мой звук поцелуем, перекатываясь на меня всем своим тяжёлым, мускулистым телом.

Полка узкая. Мы еле помещались. Стук колёс стал оглушительным, сливаясь с биением моего сердца где-то в ушах. Его колено вклинилось между моих ног, раздвигая их. Я обхватила его ногами за бедра, притягивая ещё ближе, чувствуя сквозь спортивные шорты, насколько сильно он возбужден. Твердый, горячий бугор вдавился мне в бедро.

Одной рукой он задрал мою футболку до подбородка. Второй начал лихорадочно расстёгивать молнию на своих штанах. Света не было, всё происходило на ощупь, вслепую,

и от этого казалось ещё более греховным, животным.

— Средство защиты, — прохрипел он мне в шею, прикусывая мочку уха. — Есть?

— Сумка... сбоку, — простонала я, впиваясь ногтями в его плечи, потому что его рука уже скользнула вниз по моему животу, нырнула под резинку шорт.

Он отстранился буквально на секунду, рванул язычок молнии на моём боковом кармане, вытащил плоскую упаковку, которую я всегда таскаю с собой после одного неудачного свидания «без подготовки». Судьба любит иронию.

Движения стали порывистыми. Он стащил с меня шорты вместе с бельём одним движением. Раздвинул мои колени своими коленями. Я зажмурилась, ожидая боли или дискомфорта — ведь мы были абсолютно чужими людьми пять минут назад, — но вместо этого почувствовала только нетерпение.

Он вошёл в меня сразу, глубоко, без предупреждения. Заполнил собой всё пространство. Я закусила губу, чтобы не закричать, уткнувшись ему в сгиб шеи. Он замер на мгновение, давая привыкнуть, целуя меня в висок, шепча какие-то бессмысленные слова.

А потом началось движение.

Поезд раскачивало из стороны в сторону, и каждое покачивание совпадало с его толчками. Это был самый безумный секс в моей жизни. Узкое пространство купе, храп деда снизу (который каким-то чудом ничего не слышал), риск того,

что нас увидит проводница, если включит свет. Всё это сводило с ума.

Мы дышали в унисон. Синхронно. Он двигался мощно, ритмично, вбивая меня в матрас, а я встречала каждый толчок, царапая его спину и кусая собственные руки, чтобы не выдать нас криком.

Вскоре сладостное тепло начало собираться внизу живота тугим, горячим комком. Ноги свело судорогой удовольствия.

— Давай, девочка, — прорычал он мне на ухо, ускоряя темп, найдя пальцами чувствительную точку. — Кончи для меня.

Этого хватило. Меня выгнуло дугой, мышцы сжались вокруг него, и я упала обратно на подушку, захлебываясь воздухом, видя белые вспышки перед глазами даже в полной темноте. Он сделал ещё несколько мощных движений и последовал за мной, глухо застонав мне в плечо, содрагаясь всем телом.

Мы лежали неподвижно. Тяжело дышащие, мокрые от пота, липкие. Поезд мерно стучал. Дед на нижней полке продолжал храпеть.

Незнакомец медленно выскользнул из меня, лёг рядом на крошечном пространстве полки, притянул меня к себе, укрыв нашим общим одеялом. Прижал мою голову к своему плечу.

Никто из нас не говорил. Что тут скажешь? «Приятно познакомиться?» Глупо. «Извини, что побеспокоил?» Ещё глупо.

пее.

Мы просто лежали, слушая стук колёс и чужой храп. Моя рука лежала на его животе, ощущая, как медленно успокаиваются мышцы пресса.

За час до прибытия он разбудил меня осторожным поцелуем в лоб.

— Питер скоро, — сказал он.

Я кивнула, протирая глаза. Футболка была помята, волосы стояли дыбом.

Поезд начал замедляться. Скрежет тормозов. Мимо замелькали огни незнакомого вокзала.

Он собрал свои вещи быстро, профессионально. Спортивная сумка, куртка. Надел очки, которые скрывали половину лица. Посмотрел на меня снизу вверх. В утреннем свете он оказался ещё красивее, чем я думала. Щетина, растрепанные волосы, довольная ухмылка кота, съевшего сметану.

— Спасибо за компанию, — сказал он тихо.

— Тебе спасибо, — честно ответила я. Голос был сиплым.

Он усмехнулся, шагнул к выходу из купе, но обернулся в последний момент в дверях.

— Меня зовут Юра, кстати.

И быстро вышел в коридор.

Я осталась сидеть на скомканной простыне. Поправила одежду. Вытерла слёзы смеха, которые неожиданно навернулись на глаза. «Никогда больше его не увижу» — пронзила горькая мысль.

Когда я выходила из купе с пустым стаканом, чтобы налить кипятка для чая, я засунула руку в карман шорт и обнаружила там визитку, на которой было написано: «Юрий Иннокентьевич Ш. Адвокат. Профессиональная защита ваших прав».

Внизу был адрес электронной почты и номер мобильного телефона.

В этот момент я почувствовала приятную тянущую боль между ног и странная, идиотская улыбка расплылась по моему лицу. Впервые за долгое время я ощущала себя не одинокой женщиной, спешащей к подруге, а героиней какого-то очень интересного кино.

Разлучница

Я смотрю на потолок. За окном спальни только начинает синеть, часа четыре утра, не больше. В доме стоит та особенная тишина, которая бывает после больших праздников. Когда веселье уже отгремело, гости разошлись, а уставшее эхо праздника ещё витает в воздухе запахом мандаринов, пролитого вина и чужих духов.

Вчера мне стукнуло тридцать пять. Жена, Аня, закатила вечеринку-сюрприз. Пришли все наши: друзья с универа, коллеги, её брат с женой. Было шумно и весело. Но ярче всех сияла Оля.

Оля — лучшая подруга моей жены. Они дружат лет с пят-

надцати, знают друг о друге всё. Для меня она всегда была просто «Олька», своя в доску, громкая, смешливая, вечно растрёпанная. Мы иногда шутили, что если со мной что-то случится, она первая заберёт Аню к себе жить. Я никогда не смотрел на неё как на женщину. Никогда. До вчерашнего вечера.

Всё началось часов в одиннадцать, когда градус всеобщего веселья достиг точки кипения. Мы танцевали в гостиной под какой-то старый хит. Аня устала и ушла в спальню прилечь отдохнуть, попросив меня проследить, чтобы никто не курил на балконе. Оля осталась со мной. Она смеялась запрокидывая голову так сильно, что я вдруг заметил насколько гладкая у неё шея. На ней было простое чёрное платье, которое до этого момента казалось мне обычным, но сейчас оно облегло её фигуру так, будто это было запрещено законом.

— Даня, ты чего такой серьёзный? — крикнула она сквозь музыку. — Тридцать пять — прекрасный возраст!

Я засмеялся и притянул её к себе за талию, чисто по-дружески, закружив на месте. От неё пахло чем-то терпким, совсем не похожим на ванильные духи моей жены. Мои руки лежали на её спине, и я чувствовал каждый позвонок через тонкую ткань. Она посмотрела мне прямо в глаза, и смех в них погас. Там осталось что-то порочное, от чего у меня перехватило дыхание.

Музыка резко оборвалась — кто-то выдернул колонку из розетки. Мы замерли посреди комнаты, всё ещё держась

друг за друга. Гости зашумели, потянулись на кухню за чаем. Оля медленно убрала свои руки с моих плеч.

— Пойду подышу морозным воздухом, — тихо сказала она и вышла на балкон.

Весь остаток вечера мы избегали смотреть друг на друга. Говорили с другими людьми, улыбались, поднимали бокалы, но пространство вокруг нас двоих искрило, как оголённый провод. Когда последние гости ушли, было около часа ночи. Аня мыла посуду, сонно прислонившись щекой к своему плечу.

— Оля, оставайся, — пробормотала жена, зевая. — Поздно уже.

— Да, спасибо, Анют, — ответила Оля, не глядя на меня.

Она постелила себе в комнате для гостей. Я пожелал жене спокойной ночи, долго стоял под душем, пытаюсь смыть с себя липкое чувство вины, которое начало зарождаться внизу живота. «Ничего ведь не было. Просто танец».

Я лёг в кровать рядом с сопящей Аней и закрыл глаза. Сон не шёл. Я ворочался, слушая тиканье часов на кухне. И вдруг услышал скрип.

Тихий-тихий. Из коридора.

Я встал. Пол был ледяным. Дверь в спальню была приоткрыта. В проёме стояла фигура. Оля. Лунный свет из окна падал на неё, делая кожу серебряной. Она была в футболке явно ей большой. Моей футболке.

— Ты чего? — прошептал я. — Что-то случилось?

Она шагнула внутрь, бесшумно, босиком.

— Аня спит? — спросила она так тихо, что я скорее прочитал по губам.

— Спит. Устала.

Оля сделала ещё один шаг ко мне. Между нами оставалось метра полтора. Она смотрела не на моё лицо, а ниже. Я почувствовал, как волосы на руках встают дыбом. Это было неправильно. Это было безумие.

— У тебя день рождения был, — прошептала она. — С днём рождения, Даня.

И она подошла вплотную.

Её ладони легли мне на грудь, горячие даже сквозь прохладный хлопок майки.

— Оль... прекрати... — выдавил я, но сам обхватил её бёдра руками. Моему телу было плевать на слова. Оно знало, чего хочет.

Я подхватил её на руки и понёс в комнату для гостей.

Хотел оставить её там и пойти обратно в спальню, но Оля вцепилась в меня мёртвой хваткой и толкнула к кровати. Я упёрся руками в матрас, потерял равновесие и сел, увлекая её за собой. Она моментально оказалась сверху, оседлав меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.